

Д. Благой

Афанасий Фет – поэт и человек

Фет А. Воспоминания / Предисл. Д. Благого. Сост. и прим. А. Тархова.
М.: Правда, 1983.
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Необычная, сложная, во многом весьма драматическая судьба присуща литературной деятельности Фета. Вместе с тем при всей своей оригинальности судьба эта носит отчетливые приметы времени, тесно связана с ритмами движения русской общественной жизни и русской литературы середины и второй половины XIX века. Равным образом литературная судьба Фета не только органически соотносится, но очень причудливо переплетается с его жизненной судьбой.

Афанасий Афанасьевич Фет-Шеншин прожил долгую жизнь. Родился он в октябре или ноябре 1820 года, почти одновременно с выходом в свет первого большого создания русской литературы XIX века – поэмы Пушкина "Руслан и Людмила"; умер 21 ноября 1892 года, примерно через два месяца после появления в печати первого произведения Максима Горького и в период выхода первых сборников стихов русских модернистов. Как видим, в хронологических рамках его жизни происходит все развитие русской классической литературы XIX столетия.

Жизнь Фета – студента, офицера, помещика, камергера двора его императорского величества – протекала на виду у всех и во время, от нас не слишком отдаленное. Тем не менее некоторые основные моменты были окутаны покровом густой, почти непроницаемой тайны, до конца не раскрытой и сейчас окрасившей ее в глубоко трагические тона {Из исследовательских работ о Фете советского времени следует особенно отметить ценные биографические разыскания Г. П. Блока, основанные на новых архивных материалах, и многочисленные работы видного фетоведа Б. Я. Бухштаба.}.

Фет родился и рос все свои детские годы в семье богатого и просвещенного в духе русского XVIII века (был пылким приверженцем идей Руссо) орловского помещика Афанасия Неофитовича Шеншина и его жены, урожденной Шарлотты Беккер, с которой он встретился в Германии и привез с собой на родину. И вдруг над головой четырнадцатилетнего отрока грянул неожиданный удар: крещение его сыном Шеншина было объявлено незаконным. В немецкий пансион, находившийся в одном из городов Прибалтики и считавшийся образцовым воспитательным учреждением, куда он при некотором участии Жуковского был незадолго до того помещен, пришло на его имя письмо от отца со странной надписью – не Шеншину, как всегда, а Фету. В письме сообщалось, без указания причин, что отныне именно так он и должен впредь именоваться. Первое, что Последовало, были злые догадки и издевки товарищей. А вскоре Фет ощутил тягчайшие последствия, связанные с новой его фамилией. Это было утратой всего, чем он неотъемлемо обладал, – дворянского звания, положения в обществе, имущественных прав, даже национальности, русского гражданства. Старинный потомственный дворянин, богатый наследник внезапно превратился в "человека без имени" – безвестного иностранца весьма темного и сомнительного происхождения. И Фет воспринял это как мучительнейший позор, набрасывавший, по понятиям того времени, тень не только на него, но и на горячо любимую им мать, как величайшую катастрофу, "изуродовавшую" его жизнь. Вернуть то, что было им, казалось, так непоправимо утрачено, вернуть всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем, если нужно, все принося в жертву, стало своего рода навязчивой идеей, идеей-страстью, определившей, в сущности, весь его жизненный путь. Оказывало это влияние, и порой весьма роковое, и на литературную его судьбу.

Древние говорили – поэтами рождаются. И Фет действительно родился поэтом. Замечательная художественная одаренность составляла суть его сути, душу его души. Уже с детства был он "жаден до стихов"; испытывал ни с чем не сравнимое наслаждение, "повторяя сладостные стихи" автора "Кавказского пленника" и "Бахчисарайского фонтана" {А. Фет. Ранние годы моей жизни. М., 1893, с. 134, 32, 34.}. В немецком пансионе ощутил и первые "потуги" к поэтическому творчеству: "В тихие минуты полной беззаботности я как будто чувствовал подводное вращение цветочных спиралей, стремящихся вынести цветок